

ГЕРОЙ СПЕКТАКЛЯ — ОСТРОВСКИЙ

«На всякого мудреца довольно простоты» А. Н. Островского на сцене Ленинградского академического Большого драматического театра имени М. Горького

В ПОСЛЕДНЕЕ время произведения А. Н. Островского — и в театре, и в кино — ставятся много и охотно. Наше искусство опровергло бытовавшую ранее мысль о потере актуальности или же о старомодности драм и комедий величайшего драматурга России. Ныне Островский — один из самых современных и репертуарных классиков. Но предстоит еще преодолеть поветрие режиссерского своеволия, когда уважаемого классика трактуют до неузнаваемости, произвольно переписывая текст. Я, естественно, не имею в виду крайние, «охранительные» позиции тех специалистов, кто отстаивает не столько верность духу классического произведения, сколько приверженность букве. Сегодня нужно понять, что грубое осовременивание классика так же архаично и вредно, как консервативное охранительство.

ПОСТАВЛЕННЫЕ Г. Товстоноговым произведения русской классики, будь то «Идиот», «Горе от ума», «Мещане», «Волки и овцы», не похожи ни по стилистике, ни по режиссерским приемам, но все их объединяет одно общее качество — верность духу произведения. Это позиция Товстоногова, которую он последовательно отстаивает и в режиссуре, и в теории, и в педагогике.

И вот премьера «На всякого мудреца довольно простоты». И снова сполна проявилось умение режиссера читать классический текст сегодняшними глазами.

Г. Товстоногов не нарушает историзма комедии «На всякого мудреца...»: для него принципиально важна дистанция между временем действия пьесы — шестидесятые годы прошлого века и днем нынешним. В этом смысле он даже традиционен.

Декорация Э. Кочергина отражает стиль архитектуры и быта времени, костюмы (художник И. Габай) шиты по моде той поры.

Да, так жили, так одевались герои Островского. Это, впрочем, первое, еще мимолет-

помощника генерала-ретрограда Крутицкого и либерала-болтуна Городулина, жениха Машеньки, будущего зятя Турусиной. Общество этих людей отталкивает своей непробиваемой тупостью, но манит новыми возможностями, связями, положением, двухсоттысячным приданым.

В. Ивченко блистательно показывает путь Егора Глумова в «высшее» общество, раскрывает внутренний конфликт своего героя. Глумов у Ивченко — личность разнообразно талантливая: литератор, тонкий психолог, знаток социальных и человеческих пороков. Природа наделила его ярким умом и злым языком, но, увы, в этом мире ему ничего не добиться лишь своими талантами. Не драма ли это? Почти как у Чацкого: горе от ума. Но Глумов у Ивченко не хочет быть Чацким. Слишком хорошо ему известны уроки бедного героя Грибоедова. Молчалин ему ближе. Ближе его хитрый ум, умение интриговать, приспосабливаться, жить и выживать. Эти персонажи вспоминаются на спектакле далеко не случайно. Литературные реминисценции заданы драматургом, режиссер и актер делают их очевидными. Вспоминается еще и гоголевский Хлестаков и Тартюф Мольера. В спектакле Глумов концентрирует в себе различные черты этих персонажей — тем самым подчеркивается глубокая родственная связь традиций русской и мировой сатирической комедии. Не случайно ведь в русской культуре Глумов такое же нарицательное имя, как Хлестаков, Молчалин, глумовщина — страшное социальное зло. Хитрость, подлость, коварство, хамелеонство, угодничество — все это Глумов, глумовщина. И талант, проданный в услугу сильным мира сего, — это тоже Глумов.

Тем не менее в иерархии нравственных ценностей спектакля среди других персонажей Глумов занимает первое место. Да, он самый нравственный герой в этом сонме безнравственных людей. Не сгущает ли театр краски, не слишком ли усилено сатирическое начало комедии Островского? Ответим: нет. Г. Товстоногов справедливо считает, что эта комедия «содержит все, из чего выросла драматургия Салтыкова-Щедрина и Сухово-Кобылина...», и потому он имеет право развить содержащиеся в ней элементы гротеска.

Комедия «На всякого мудреца довольно простоты» режиссером рассматривается с учетом движения художественного метода Островского, условно говоря, от объективизированного бытописательства до критики современного

мира своей архаикой, но в наш рациональный век кажется очень уж элементарной.

Что ж, заглянем в «Толковый словарь живого великорусского языка» Владимира Даля. Слова «мудрый», «мудреный» имеют несколько почти противоположных смыслов. «Мудрый — основанный на добре и истине, праведный, соединяющий в себе любовь и правду»... Ну, таких персонажей в этой комедии нет. А вот второй смысл: «замысловатый, трудно понятный, мудреный». «Мудрец М. философ, мудрый муж: человек, достигший ученьем, размышлением и опытностью до сознания высших житейских и духовных истин». Именно в этом контексте Даль приводит пословицу «На всякого мудреца довольно простоты». В значении Даля мудрецов в комедии Островского нет. Не иронией ли звучит в названии сатирической комедии эта пословица, вобравшая в себя духовную мудрость русского народа?

По Далю слово «простота» опять-таки имеет два смысла: «простота сердца, прямота, искренность, откровенность, но простота ума, ограниченный ум, не дальний». Какая, однако, не простая эта пословица, все в ней неоднозначно и мудро. Всем спектаклем Товстоногов как бы расшифровывает двойственность смысла пословицы, ставшей мудрым и ироничным названием сатирической комедии. В каждом герое режиссер ищет и находит эту «мудрость», эту «простоту». Истинная же мудрость, истинная же простота — это привилегия Островского. Вот почему Островский — его нравственная позиция, его сатирический смех — и является главным героем спектакля. Героем положительным в полном смысле этого высокого слова. И потому Товстоногов не стесняется указующего перста драматурга и вслед за драматургом дает персонажам четкие социальные и нравственные оценки.

Глумов везде и всеми принят, обласкан. У Егора Дмитрича хватает «мудрости» убеждать по мере необходимости окружающих его людей в том, что он глуп, недалековиден, честен, принципиален, либерал, ретроград, робок, одинок, влюблен, наделен, набожен... У них же хватает «мудрости» сделать вид, что это действительно так, а не иначе. Словно бы утверждаются некие общепринятые правила игры в прятки. Глумов отлично понимает, что ему навряд ли верят до конца — слишком уж ретиво он играет эти многочисленные роли, слишком актерствует. Но ведь всем нравится эта игра, и как тут не стараться? — понимает и делает вид, что не понимает, что никто и ничего не понимает. И другие, догадываясь об уловках Глумова, делают вид, что никто и ничего не понимает, что ничего не происходит.

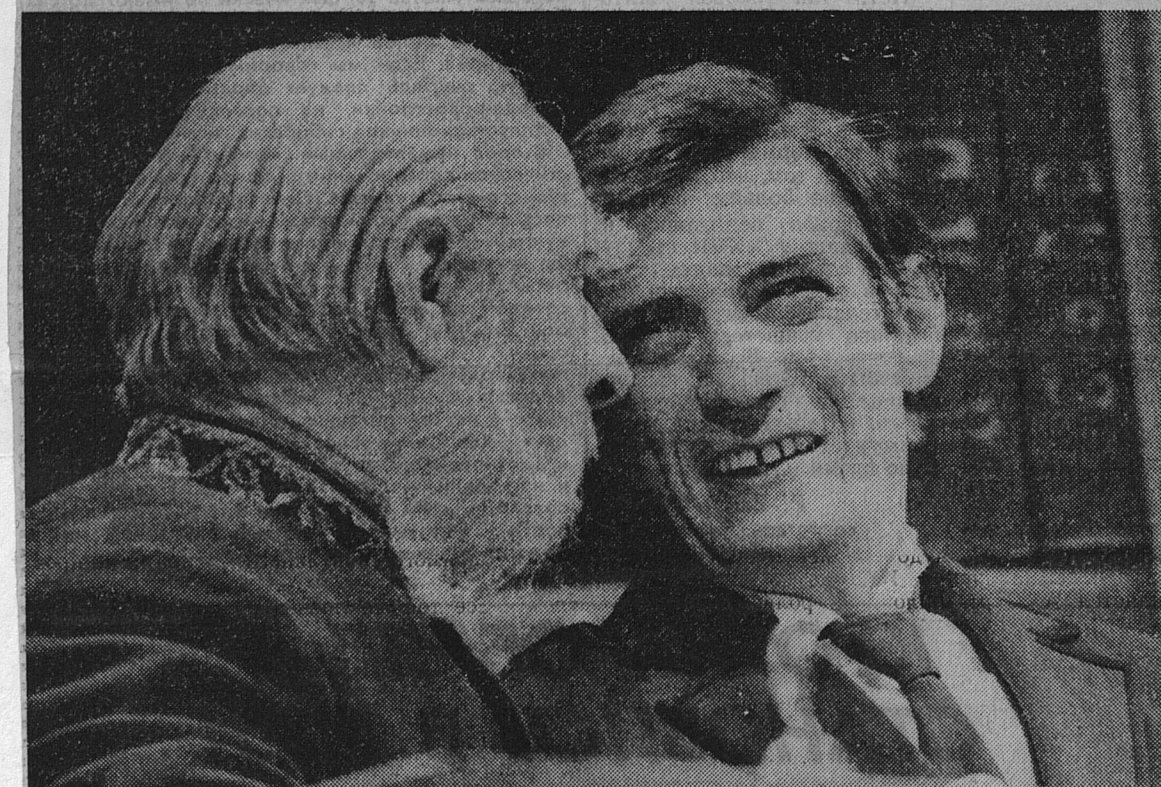
В чем же причина этого абсурдного по своей природе положения? Причину Товстоногов видит в феномене глумовщины. Каждому Глумов нужен, и не такой, каков он есть на самом деле, но такой, каким он может и хочет быть для других полезным. Не таланту Глумова, а именно этим его качествам все завидуют. Не просто талантливый человек оказался всем вдруг нужен. Всем потребовался Глумов, способный подчинить свой талант рыночному спросу на новый тип личности. Почти каждый из персонажей спектакля с радостью открывает в себе черты Глумова. Он дорогой, близкий им человек по духу. Без него им не прожить. А потому и финал пьесы, всегда трудный для театра, кажущийся даже несколько надуманным, искусственным, — Глумов, словно Чацкий, всех разоблачает, его изгоняют из своего общества «избранных», но едва захлопнется за ним дверь, как тут же прощаются и готовы через некоторое время вновь принять у себя, — здесь совершенно естествен и закономерен. Он вытекает из «мудрых» законов этого общества.

ЕСТЬ некоторая закономерность в том, что сатирическую комедию Островского Товстоногов поставил вслед за оперой-фарсом «Смерть Тарелкина» по одноименной сатирической комедии Сухово-Кобылина. В этих спектаклях тема двойной жизни, изнанки человеческой души переключаются. Приспособленец Глумов явно напоминает оборотня Тарелкина, присвоившего себе имя умершего соседа Копылова. И, думается, далеко не случайно обе эти роли играет В. Ивченко. Стихия фарса ощутима и в «Мудреце». Не характеры, но типы населяют новый спектакль. Театр, всегда славившийся ансамблем актеров, чутких к тонким психологическим переживаниям человека, творит мир, населенный сатирическими, гротескными героями. В этом ансамбле лидируют, кроме уже названных актеров, Л. Макарова (Мамаева), О. Басилашвили (Мамаев), В. Стрельчик (Городулин), В. Ковель (Намеха)...

Каждая из этих работ достойна подробного разговора. Цель же этих заметок иная — поделиться своими впечатлениями о премьере, рассказать об общих принципах постановки Г. Товстоноговым этой на первый взгляд простой, на самом же деле — весьма сложной комедии Островского. Главный вывод, который сегодня следует сделать, состоит в том, что точка зрения Товстоногова на комедию Островского с исторической дистанции не лишила классическое произведение его первозданной актуальности. Через толщу времен проблемы и типы, подмеченные Островским, видны осязательно. Театр, не осовременивая пьесу, добился редкого, скажем так, стереоскопического эффекта. Едкая сатира явлений прошлого вызывает дружный смех зрителей. И я уверен: большинство из них теперь по-новому отнесется к старинной русской пословице «на всякого мудреца довольно простоты». И поможет нам в этом злая и одновременно добрая комедия Александра Николаевича Островского. Ведь Островский, по Товстоногову, — наш современник.

Виталий ПОТЕМКИН.

● Народный артист СССР Е. Лебедев и народный артист УССР В. Ивченко в новом спектакле.

ное впечатление. Стремительно полетит действие, заманивая своей, необычной для Островского, почти водевильной интригой, и наш глаз уловит ненавязчивую гиперболу, содержащуюся и в декорациях, и в костюмах. Интерьеры окажутся претенциозно громадными, строгость их линий сместится безвкусной изысканностью быта обитателей спектакля. В костюмах мы тоже уловим черты претенциозности их хозяев. Интригующая своей тонкой ироничностью музыка И. Шварца уже в первых сценах выведет зрителей из плена представлений об Островском как бытописателе. Мы увидим в спектакле Островского-сатирика, точного и едкого на слова, гиперболизирующего людские характеры до социальных типов. Быт же здесь — один из первостепенных героев, без него трудно себе представить, как жили персонажи комедии.

Скромная, темная холостяцкая квартира Глумова где-то под крышей дома. Здесь ее хозяин задумывает честолюбивые планы покорения обитателей Москвы. Богатый, почти аристократический дом строгого в своих правилах барина Мамаева, и в нем же будар Мамаевой, выстроенный на манер, вычитанный из переводных романов, — здесь все располагает к любовной неге. И дом богатой купчихи Турусиной имеет две половины, которые говорят об ее хозяйке, пожалуй, не меньше, чем это может сыграть исполнительница роли Э. Попова. Шикарные, претендующие казаться аристократическими залы и отшельническая келья, и в ней от пола до потолка иконы, иконы, иконы. Грешить и молиться. Молиться и грешить...

Из полутемной мансарды в эти роскошные апартаменты — таков путь Глумова в «высшее» общество. От честного трудяги-журналиста до беспринципного в своих действиях «любимого» родственника Мамаева, любовника дядюшкиной стареющей жены Клеопатры,

ему общества путем сатирического выявления социальных типов. Более того, эта пьеса им ставится с учетом развития русской сатирической комедии. А потому, что ни персонаж спектакля — то тип яркий, смешной, а порой и страшный.

Самая страшная фигура — генерал Крутицкий. Е. Лебедев свободно и радостно ощущает себя в сатирической стихии роли. Каждая мизансцена, каждый жест, каждое слово им осмыслено так, чтобы образно рассказать не только о сиюминутном житии, но и о глубоком прошлом героя. Крутицкий у Лебедева — герой доисторический, древний, «времен очажных и покоренья Крыма». Менялись цари, жизнь шла вперед, звучали либеральные идеи, свершилась реформа 61-го года, а ретроград-генерал всеми силами удерживал прогресс в России. И сейчас нет для него высшей страсти, чем сочинять да издавать трактаты, указы, приказы, указы о вреде реформ. «Мудрые» мысли всех времен генерала изложены на бумаге, и все это полное собрание сочинений — сотни тысяч, а может быть, и более, листов в папках заполняет весь огромный кабинет. Свои «мудрые» мысли генерал не говорит, но вещает. Он привык быть в центре внимания: замри и слушай (внемли и повинуйся), радуйся и благодари. И слушают его, и радуются, и благодарят. Привыкли. Привыкли к его вечной старости. Привыкли к его «мудрым» мыслям, вернее, одной мысли: остановить прогресс.

«НА ВСЯКОГО мудреца довольно простоты» — пословица чисто русская, трудно поддающаяся переводу. Иностранцу ее просто не понять. Как же это так: простота сильнее мудрости? Г. Товстоногов за рубежом эту комедию ставил под названием «Записки подлеца, им самим написанные». Да и мы сегодня весьма редко пользуемся этой пословицей. Она